

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАКУРСЫ ПОНЯТИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Ирина Анатольевна Шмерлина
(shmerlina@yandex.ru)

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Шмерлина И.А. (2022) Концептуальные ракурсы понятия интерсубъективности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(3): 7–40. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.1>

Аннотация. Представлена концептуальная разметка проблемного поля понятия «интерсубъективность». Выделены две базовые проекции этого понятия — онтологии и генезиса — и три дополнительные — локуса, горизонта и модуса. Практически исчерпывающе описывающие тематизацию интерсубъективности в философии, социологии, антропологии, психологии, когнитивных науках и нейрофизиологии, эти проекции в значительной своей части восходят к феноменологии Э. Гуссерля. Показана сложная эволюция гуссерлевских представлений об интерсубъективности, на ранних этапах творчества философа сформулированных как эгологическая проблема, а на поздних — как проблема «жизненного мира». Если исходная постановка проблемы интерсубъективности фундирует прежде всего психологические и нейрофизиологические исследования, то понимание ее как имманентного свойства жизненного мира отвечает социологическому ракурсу, классически представленному в феноменологической социологии. По мнению автора, в социологии может быть развернута альтернативная феноменологическая программа, выходящая за рамки «конститутивной феноменологии естественной установки» (А. Шюц) и опирающаяся на интуиции позднего Гуссерля, включая генетическую феноменологию. Социологически перспективным представляется также рассмотрение интерсубъективности в функциональном модусе — с точки зрения механизмов конституирования смысловых структур, поддерживающих жизненный мир в его самоочевидной данности либо разрушающих его.

Ключевые слова: интерсубъективность, феноменология, феноменологическая социология, генеративная феноменология, Э. Гуссерль, А. Шюц, Ю. Хабермас, трансцендентальное эго, пассивный синтез, естественная установка, жизненный мир, домашний мир, историчность.

Постановка проблемы

Интерсубъективность — понятие, пришедшее в социальное знание из феноменологии Э. Гуссерля и утвердившееся в самых разных его областях. По мнению А. Шюца, создателя феноменологической социологии, «существенное отношение интерсубъективности... является базисом всей социальной науки» (Шютц 2003б: 82). Современные исследователи видят в интерсубъективности «синоним “социального”» (Intersubjectivity-a), полагая, что «должным образом осмысленная интерсубъективность может составить всеобъемлющую теоретическую рамку для размышлений о том, как люди интерпретируют, организуют и воспроизводят определенные формы социальной жизни и социального познания» (Duranti 2010: 2).

Между тем вряд ли будет преувеличением сказать, что понятие интерсубъективности должным образом не осмыслено, и это характерно прежде всего для социологии¹, в которой, как констатировал еще Шюц, «оно, как правило, считается... само собой разумеющимся и принимается без вопросов как данность» (Шютц 2003б: 82). На первый взгляд, это оправданно: «интерсубъективность» действительно выглядит как понятие, не нуждающееся в проблематизации, его интуитивно доступный смысл легко вычитывается из самой его морфологии — интерсубъективность есть нечто, происходящее между субъектами, во что они (осознанно или неосознанно, врожденно или посредством обучения) вовлечены, что является атрибутом (условием или продуктом) их взаимодействия. Однако уже эти предварительно намеченные развилки в описании данного понятия показывают потенциальное многообразие его смыслов. Обладающее «на первый взгляд ясными и понятными признаками» (Дубровский 2014: 204), оно ускользает от точного терминования. «Что такое интерсубъективность? Если меня заставят дать прямой ответ, боюсь, я смогу лишь повторить ответ Августина на вопрос “Что такое время?": “Если никто не спросит меня об этом, я знаю; если я хочу объяснить это тому, кто спрашивает, я не знаю”» (Fabian 2014: 206). «Термин [интерсубъективность] вроде бы указывает на что-то важное и не очень понятное» (Анисов 2008: 109)

Достижение понятийной определенности в отношении интерсубъективности представляется тем более непростой задачей, что со времен Гуссерля и Шюца оно обросло множеством смысловых нюансов. Как показано в (Шмерлина 2021), под кажущей прозрачностью данного понятия

¹ «Рецепция феноменологических идей в социологической теории полна загадок, курьезов и парадоксов» (Вахштайн 2014: 5), и анализируемые здесь понятия могут послужить иллюстрацией этого наблюдения.

залегают мощные пласты дисциплинарной специализированной рефлексии, вскрывающей разные и далеко не всегда согласующиеся между собой ракурсы рассмотрения анализируемого концепта/феномена.

О многозначности (мультифакетности /Brinck 2008/) анализируемого понятия можно судить уже по тому разнообразию уточняющих определений, которыми сопровождается его использование. В исследовательской литературе встречается интерсубъективность *трансцендентальная* и *обыденная* (гуссерлевская и шюцевская постановка проблемы соответственно), *первичная*, *вторичная*, *третичная* и *четвертичная*, *виртуальная*, *диалогическая*, *сильная* и *слабая*, *полная*, *локальная*, *количественная*, или *арифметическая*, *конкретная*, *априорная*, *культурно-символическая*, *интрапсихическая*, *межличностная*, *транс-субъективная*, *травматическая*, *педагогическая*, *организационная* и *пр.* (см., в частности: Coelho Jn., Figueiredo 2003; Gillespie 2009; Kvale 1994; Reich 2010; Scriven 1972; Sinha, Rodriguez 2008; Stevanovic, Koski 2018; Trevarthen 1979; Zahavi 2001; Бузский 2015; Лукман 2007; Смирнова 2018). Неудивительно, что исследователи отмечают «переизбыток смыслов» и «парадоксально мало согласия» в отношении этого концепта (Leadbeater 1989). С равным правом принадлежащее философии, психологии, социологии, нейрофизиологии, когнитивной науке понятие интерсубъективности представляет собой, как удачно сформулировано в (Смирнова 2014: 146), концепт с «открытым горизонтом значений... [заданным] дисциплинарным контекстом».

В настоящей работе сделана попытка, разомкнув дисциплинарные контексты, обозначить и аналитически разметить общее проблемное поле, сложившееся вокруг понятия интерсубъективности, уделив особое внимание социологическому потенциалу данного понятия.

Онтологический статус интерсубъективности (первая базовая проекция)

Двухкорневое строение слова «интерсубъективность» ориентирует на две сущности, одна из которых представлена корнем «субъект», а вторая — префиксом «интер-» (что отражается в некоторых тавтологических по сути определениях¹). Онтологический акцент можно делать как на первом, так и на втором корне. В первом случае интерсубъективность предстает как то, что присутствует в субъектах и позволяет им находиться

¹ Интерсубъективность — «связь между (“интер-”) автономными, на первый взгляд, Я (самостями — selves) (“субъектами”» (Reich 2010: 40); «отношения между индивидуальными субъектами..., т.е. ...интерсубъективность» (Overgaard, Zahavi 2009: 93).

в интер-состоянии, что бы ни подразумевать под последним (понимание, взаимодействие, совместное конструирование общего мира и т.п.). Это изначально гуссерлевская (в версии раннего Гуссерля) постановка вопроса об интересубъективности как эгологической проблеме, проблеме имманентного присутствия Другого в сознании трансцендентального эго. Она фундирует последующие, де-трансцендированные и психологизированные трактовки интересубъективности, как, например, «способность к умозаключениям относительно намерений, убеждений и чувств других людей, включая симуляцию или способность “читать” психические состояния и процессы других субъектов» (Coelho Jn., Figueiredo 2003: 196). Огромное число описаний интересубъективности трактует данное понятие/феномен именно так: как свойство субъекта или переживание, которое каждый испытывает индивидуально и соответственно смысл которого невозможен без исследования того, что содержится в субъектности индивида. В терминологии (Stevanovic, Koski 2018), подобные описания относятся к *интраперсональной* стратегии исследования интересубъективности, получающей воплощение прежде всего в психологии развития, где интересубъективность берется как «эмерджентное свойство эмоционально-когнитивных способностей развивающегося человеческого разума, некоторые из которых присутствуют уже у новорожденных» (Stevanovic, Koski 2018: 41).

По мнению других авторов, интраперсональная стратегия трактовки интересубъективности, исходящая из корня «субъект», — «не лучшая отправная точка», и в центр исследования следовало бы поставить префикс «интер-» (Leadbeater 1989). В современной феноменологии, полагает Л. Тенгели, «мы... должны исходить... из отказа от сильного понятия “Я” и сильной метафизики “Я”» (Тенгели 2012: 236).

Смещение фокуса внимания на префикс «интер-» продуцирует пространство иных онтологических решений. Конкретная онтологическая перспектива определяется тем, какое из значений «интер-» принимается во внимание. В одном из вариантов он выражает связь между сторонами (как в словах «интернационал», «интернет», *interplay*, *interrelations* т.п.), в другом указывает на наличие между ними некоей срединной зоны (как в слове «интерфейс» или выражениях типа «между городом и Тибром»). Рисунок хорошо визуализирует это различие.

Левая часть рисунка иллюстрирует семантику связующего начала. Именно этот момент считается «фундаментальным в теории интересубъективности» (Gobodo-Madikizela 2016: 122), и именно он заставляет многих исследователей видеть в интересубъективности квинтэссенцию социальности (Reich 2010: 40). Акцент, делается на моменте *общности*,

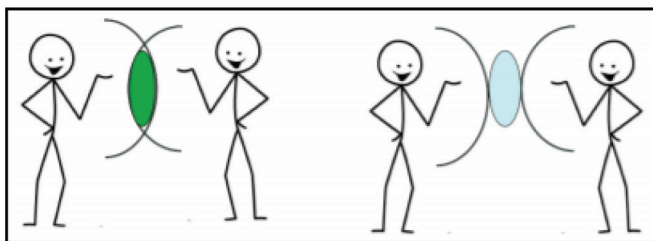

Рис. Визуальные метафоры слова «интерсубъективность»
(по: Fugelli et al. 2013: 130)

связи с другим/другими, состоянии, разделяемом субъектами. Неслучайно многие англоязычные определения интерсубъективности базируются на слове *share* (в значении «разделять, совместно использовать, обмениваться») и его производных: «интерсубъективность, разделяемые двумя или более индивидуумами субъективные состояния (*the sharing of subjective states*)» (Scheff 2001); «...слабая форма интерсубъективности, а именно *sharing*» (Gillespie 2009: 24).

Принципиальный вопрос состоит в том, что именно разделяется («*the nature of sharing*» /Brinck 2008/). «Общим знаменателем» здесь обычно выступает *понимание* («разделяемое понимание» — «*shared understanding*» /Reich 2010: 45; Fugelli et al. 2013: 129, et al./). Трактовка интерсубъективности как понимания актуализирует преимущественно когнитивистские (см., например: Lodder et al. 2015: 29) установки в отношении интерсубъективности, однако в феноменологии начиная с Гуссерля делаются попытки преодолеть это ограничение и расширить границы «понимания». Согласно этой расширительной трактовке, понимание/взаимопонимание может быть как когнитивно-рефлексивным, так и бессознательно-эмпатическим, как ментально-психическим, так и телесным, достигаться как в модусе восприятия, так и в «конативных (ориентированных на действие) состояний совместности (*engagements*)» (Zlatev et al. 2008: 3). Понимание может быть также сориентировано на (а) другого, (б) объекты/явления/процессы внешнего мира и (в) на совместную деятельность. В первом случае речь идет о репрезентации внутреннего состояния другого. Во втором случае интерсубъективность рассматривается как платформа общего опыта, согласованное понимание объектов/явлений/процессов внешнего мира, начиная от простейшего случая поименования вещей¹

¹ «...большинство людей испытывают интерсубъективность, когда их просят описать яблоко — определение яблока будет одним и тем же» (*Intersubjectivity-b*).

и заканчивая происходящим в ходе повседневных интеракций «обменом (sharing) концептуализациями» (Gui et al. 2016: 2789). В третьем случае интерсубъективность предстает как деятельностное понимание — «непосредственное перцептивное понимание, возникающее в результате социального взаимодействия, в котором намерения явным образом выражаются в воплощенных действиях» (Lodder et al. 2015: 29). В некоей обобщающей/упрощающей перспективе можно сказать, что первое (психоэмоциональный аспект) выступает центром тяжести работы с «интерсубъективностью» в психологии, второе (эпистемический аспект) интересуется в первую очередь философией, третье (прагматический аспект) отличает социологический / социологически сфокусированный подход к данной категории.

Идея sharing как разделяемого субъектами состояния смещает внимание от индивида к тому, что именно разделяется, однако, как в некогда популярной игрушке «мячик на резинке», очень быстро возвращает к нему. Тем не менее, индуцируя интерес к тому, как обеспечивается функционирование этой совместной разделяемой зоны (разделяемой общности ментально-психических состояний, восприятия внешнего мира, деятельности), модель sharing уже отчасти выводит проблематику интерсубъективности во внесубъектное пространство, порождая предположения о ней как о функции не субъекта, но неких внесубъектных процессов, ситуаций, имплицитных структур жизненного мира. В этом случае реализуется визуализированное в правой части рисунка второе значение префикса «интер-», указывающее на наличие некоего собственного пространства взаимодействия. Эта интуиция, в свою очередь, также может быть развернута в двух плоскостях. Первое отвечает интеракционистскому направлению в социологии, фокусирующемуся на непосредственных процессах взаимодействия и воплощенному в концепциях символического интеракционизма, драматургической социологии, этнометодологии, конврсационного анализа, реляционной социологии, энактивизме, теории коммуникативного действия Хабермаса. Открывая несколько отличающиеся между собой концептуально-тематические перспективы анализа интерсубъективности, эти направления в целом отвечают стратегии, названной в (Coelho, Figueiredo 2003; Stevanovic, Koski 2018) «интерперсональной». Она «касается отношений между людьми, а не внутри них (субъективности) или вне их (beyond them) (объективности или трансцендентальной реальности)» (Intersubjectivity 2002). Последнее — отношения beyond — задает иную, «трансперсональную» (Coelho, Figueiredo 2003) стратегию понимания интерсубъективности, которая в некоем метафизическом смысле предшествует индивиду и, проходя через опыт его

жизнедеятельности, предстает в виде структур социокультурного универсума.

Генезис интерсубъективности (вторая базовая проекция)

Другая важнейшая проекция, в которой выстраивается дискурс об интерсубъективности, связана с вопросом ее происхождения: является ли она исходно данным, примордиальным свойством (условием взаимодействия) или тем или иным образом достигается — развивается, формируется, складывается, конструируется и т.п.

В пространстве этих двух базовых рассечений и выстраиваются основные модели интерсубъективности (табл.).

Интерсубъективность как свойство индивида

Интерсубъективность как формируемое качество субъекта. Подобное восприятие интерсубъективности — один из наиболее хорошо проработанных и в настоящее время доминирующих трендов в отношении данного концепта, под которым понимаются качества, спонтанно раскрываемые и/или приобретаемые субъектом в ходе социализации, в том числе в результате целенаправленных психологических, педагогических, терапевтических, организационно-управленческих усилий. Истоки подобного понимания, как почти всех линий в трактовке интерсубъективности, восходят к Гуссерлю. Несмотря на то что центр тяжести в гуссерлевском понимании интерсубъективности находится в примордиальной сфере, первоначальные усилия философа по осмыслению этого феномена включали акценты, которые можно квалифицировать как формативные. В «Картезианских медитациях» Гуссерль выстраивает эгоцентристскую модель интерсубъективности, основанную на теории «аналогизирующего переноса» или «аппрезентативной апперцепции» (Гуссерль 2010: 143; 153) — процесса наделения тела *Другого Я* как объекта внешнего мира одушевленной жизнью, по аналогии с такого же рода «синтезом», осуществляемым по отношению к себе. *Другое Я* конституируется, таким образом, как «квазидубликация моего Я» (Борисов 1999). Подобные «попытки решения проблемы интерсубъективности, опирающиеся на активность Я» (Артеменко 2020: 193), оцениваются гуссерлеведами как несостоятельные, и неслучайно в дальнейших разработках Гуссерля первоначальная эгоцентристская модель сменилась пониманием интерсубъективности как трансцендентального измерения жизни, превосходящего границы индивидуального человеческого бытия. Между тем именно этот заход раннего Гуссерля, связанный с выведением *Другого* из эго, реализует Шюц, когда выстраивает свою версию интерсубъективности,

Таблица

**Интерсубъективность как примордиальное /
формируемое свойство индивида / внеличностной реальности**

субъектное (индивидуально-личностное) измерение		формируемое свойство	
примордиальное свойство	<p>Экзистенциальное свойство трансцендентального эго (феноменологическая перспектива в версии раннего Гуссерля)</p>		<p>Представления о Другом, возникающие в сознании эго посредством (а) «аналогизирующего переноса», (б) «пассивного синтеза» (философско-феноменологическая перспектива) (в) «взаимности перспектив» (Шюц, социально-феноменологическая версия)</p>
	«Природа человека» (антропологическая перспектива)		<p>Качества субъекта, раскрывающиеся и развивающиеся, а также формируемые в онтогенезе, в том числе в результате целенаправленных педагогических, терапевтических, организационно-управленческих усилий (психопедагогическая перспектива)</p>
	Врожденные структуры организма (биологическая перспектива)		
	Особенности организации жизни на Земле (системно-биологическая перспектива)		<p>Структуры повседневной коммуникации, организующие и направляющие взаимодействие (социологическая перспектива)</p>
	Предустановленная гармония бытия (перспектива монадологии)		
	Имманентная характеристика жизненного мира (феноменологическая перспектива в версиях Гуссерля и Шюца)		
	Следствие объектной (материально-вещной) организации бытия (социально-философская перспектива)		
	Атрибут (свойство или механизм функционирования) культурного универсума (холистская социокультурная перспектива)	<p>Социально конструируемая реальность как продукт взаимодействия рефлексизирующих субъектов (социологическая перспектива)</p>	
внеличностное измерение			

основанную на тезисе «взаимности перспектив», предполагающей две идеализации — «идеализацию взаимозаменяемости точек зрения» и «идеализацию соответствия систем релевантности» (Шюц 2004: 15).

Если ранний Гуссерль пытался проследить способы, которыми индивидуальное эго конструирует в себе Другого, то в логике позднего Гуссерля Другое Я конституируется в сознании субъекта в результате *пассивного синтеза* предшествующих ему «опций» мира и прежде всего интерсубъективности как его фундаментального измерения. Транспонируя феноменологическую модель в естественно-научную, допустимо, на наш взгляд, трактовать пассивный синтез как процесс онтогенетического раскрытия врожденных предрасположенностей организма и социализации личности. Неслучайно в текстах позднего Гуссерля звучат темы инстинкта (см.: Борисов 1999) и раннего детства, и в целом исследователи отмечают появление в них сюжетов, связанных с «естественной стороной субъективности» и «опорой на данные “наук естественной установки”»: физики, биологии, естественной истории, истории и эмпирической антропологии» (см.: Савин 2008: 58, 61, 121).

В тематике пассивного синтеза мы видим попытку Гуссерля включить в феноменологический анализ внесубъектные мотивы, не теряя при этом эгологического фокуса. Этот анализ пока все еще сфокусирован на субъекте, но уже не на активном рефлексирующем субъекте, а на пассивном — фактически, даже не на субъекте как таковом, а только на его возможности («пассивный генезис есть генезис, протекающий без участия моего Я... на этом уровне моего Я как такового еще нет» /Борисов 1999/; «первичная пассивность... обнаруживается как безличная субъективность» /Артеменко 2020: 199/). Само становление субъекта возможно только в предпосланном ему интерсубъективном горизонте. Мы назвали бы это трансцендентально-социологической перспективой феноменологического анализа.

Интерсубъективность как примордиальное свойство субъекта. Подобным образом трактуемая интерсубъективность подчеркивает «изначально (inherently) социальную природу человека» (Intersubjectivity-b). Именно так исходно — в феноменологии Гуссерля — была поставлена проблема интерсубъективности — как загадка имманентного присутствия *Другого Я* в сознании трансцендентального эго, не устранимого методами феноменологической редукции. Тем самым Гуссерль намечает антропологическую перспективу интерсубъективности. В эксплицированном виде она присутствует у Шюца, исключившего из данного сюжета трансцендентальный аспект и замкнувшего социальную феноменологию на земного индивида, рожденного от женщины (см.: Шютц 2003б: 81–82). Антро-

пологическая линия концептуализации интерсубъективности, выводящая ее из «природы человека», поддерживается в современной феноменологии. «Когда мы общаемся, мы можем думать одинаково, потому что мы устроены одинаково» (Fabian 2014: 207).

Антропологический подход получил закономерное развитие в психобиологических исследованиях интерсубъективности. Его связывают с врожденной ориентацией на другого (в психологии развития это термируется как «первичная интерсубъективность» (Trevarthen 1979), с наличием эндокринных регуляторов (гормонов) и нейрофизиологического субстрата интерсубъективности (зеркальных нейронов¹). Витторио Галлезе, автор этого термина и один из участников пармской группы исследователей, увидел глубокую связь между открытиями нейрофизиологии и феноменологией и предложил нейробиологическую концепцию интерсубъективности (см., в частности: Gallese 2003). М. Якобони назвал подобную междисциплинарную перспективу «нейрофизиологической феноменологией» (Якобони 2011: 25).

В пространстве антропологически фокусированного (примордиально-субъектного) анализа интерсубъективности в качестве факультативной выделяется проекция, которая может быть названа локусом. Она выстраивается по оси «сознание — тело». Локус интерсубъективности находят в трех основных «местах» — в голове субъекта (его рефлексирующем сознании и психоэмоциональной сфере), в теле и субтелесных структурах организма. Первая, когнитивистская, трактовка интерсубъективности, которую часто называют «теорией разума», вызывает сегодня наиболее дружную критику. Как показано выше, само понимание, выступающее концептуальным нервом понятия интерсубъективности, «может интерпретироваться также в некогнитивистском ключе» (Lodder et al. 2015: 29), а именно как телесно и деятельностно воплощенное понимание. Согласно телесной концепции, «сама возможность интерсубъективности коренится в телесной конституции субъективности» (Zahavi 2005: 163). У истоков этого подхода стоит Гуссерль, для которого тело было условием («местом») интерсубъективного выхода к Другому, «нулевой точкой отсчета» (Гуссерль 2010: 158). Шюц подхватил представления Гуссерля и писал об «интерсубъективной конституции тела» как основании социальности (Шюц 2003а: 29). М. Мерло-Понти развернул эти идеи в телесную кон-

¹ Зеркальные нейроны — клетки головного мозга, которые активируются при выполнении некоторого действия, и также при наблюдении за действиями других. Были открыты в 1990-х годах группой нейрофизиологов Пармского университета (Италия), возглавляемых Джакомо Ридзолатти.

цепцию интерсубъективности. Развитие темы телесно воплощенной интерсубъективности продолжается на субтелесном уровне, в перспективе, открытой исследованиями зеркальных нейронов.

В рамках рассматриваемого субъекто-ориентированного примордиального подхода дефицит или отсутствие интерсубъективности, т.е. способности индивида к пониманию и взаимодействию с себе подобными, расценивается как психологическая проблема или психическая патология. В этой концептуальной плоскости лежат современные исследования аутизма и шизофрении, образующие огромный пласт специализированной литературы, обзор которой в настоящем тексте представляется излишним.

Интерсубъективность как внесубъектное свойство

В данном случае интерсубъективность понимается как некий феномен взаимодействия — то, что происходит *между* субъектами, соединяя их нитями отношений (взаимопонимание в широком смысле) или образуя между ними онтологически различимое пространство. Вопрос о том, выступает ли интерсубъективность продуктом взаимодействия (т.е. оказывается вторичным феноменом) или предшествует ему в качестве условия (примордиальной сущности), в этом случае носит схоластический оттенок. Тем не менее он исходит из разных методологических предпосылок и задает разные исследовательские перспективы.

Интерсубъективность как формативный внесубъектный феномен.

Это наиболее социологичная и наиболее далеко отстоящая от Гуссерля трактовка. В гуссерлевской постановке «интерсубъективность понимается прежде всего как универсальное условие взаимодействия и коммуникации, а не как результат того или другого» (Edwards 2018). В этом отношении распространенные представления «о том, что интерсубъективность означает “разделяемое” (shared) или “взаимное” (mutual) понимание, является более поздним развитием концепции и чем-то гораздо более конкретным и ограниченным, нежели то, что первоначально предполагалось Гуссерлем» (Duranti 2010: 14). Шюц делал акцент как раз на этом — «теории понимания Другого в мире, интерсубъективность которого можно было бы уже считать само собой разумеющейся» (Шюц 2003-б: 61), и в этом плане его интересуют «достижительные» аспекты интерсубъективности.

«Достижительный» подход наиболее востребован и активно развивается сегодня в социологии. В рамках этого подхода интерсубъективность предстает как структуры коммуникации и социальные смыслы, спонтанно либо целенаправленно порождаемые в процессе взаимодействия. Это

интеракционистское в широком смысле направление, которое переплетается с интерпретативистской линией в социологии. Основными версиями этого подхода выступают социальный конструктивизм, в котором интерсубъективность поглощается конструктивистской деятельностью субъекта, а также большой пул направлений, которые, не теряя из поля зрения последнего, делают отчетливый разворот в сторону внеличных параметров взаимодействия (структур, процессов, правил игры), куда входят символический интеракционизм, драматургическая социология, этно-методология, разговорный анализ, реляционная социология, энактивизм и коммуникативная теория действия.

В ракурсе «достижительной перспективы» «интерсубъективность рассматривается как нечто такое, что должно быть достигнуто посредством определенных видов деятельности, включая использование языка и других видов коммуникативных ресурсов» (Duranti 2010: 9). Этот подход трактует «связь... между... автономными Я (“субъектами”)... как случайную, как что-то, что не всегда можно считать само собой разумеющимся и что, следовательно, нуждается в социологическом объяснении» (Reich 2010: 40). Логика подобного понимания допускает вариативность, интерсубъективность здесь — не постоянная, а переменная, она может быть, может не быть и может принимать градуальные состояния. Так, (Reich 2010: 41) противопоставляет «полную интерсубъективность» (“full intersubjectivity”) «полному непониманию» (“utter misunderstanding”) как крайние состояния рефлексивно-когнитивного континуума.

Подобным образом понятая интерсубъективность (как феномен взаимодействия) часто атрибутируется коллективному субъекту, в широком диапазоне от контактной группы до уровня корпораций и государственно-национальных объединений (подобная постановка вопроса встречается в: Алебастрова 2015; Дубровский 2014; Огурцов 2007; Смирнова 2018; Gillespie, Cornish 2009; Stahl 2016). Интерсубъективность, возникающая в такого рода «сборном субъекте», иногда называют «коллективной» (Scriven 1972), или «арифметической» (Kvale 1994).

«Достижительная перспектива» лежит в основе исследований, выполненных в прагматической (педагогической, психотерапевтической, менеджериальной) или морально-ценностной плоскости, где интерсубъективность вырастает до масштаба глобальной проблемы взаимопонимания, имеющей исключительное значение для человеческой цивилизации (см., например: Алебастрова 2015; Анисов 2008).

Квинтэссенцией подобной достижительной трактовки интерсубъективности выступает теория коммуникационного действия Ю. Хабермаса, закрепившая в социологии соответствующее — коммуникативное —

ее измерение. Это постгуссерлевский момент в трактовке данного концепта. В феноменологии Гуссерля интерсубъективность и личность связаны «не через коммуникацию, а через интуитивно переживаемое тождество “Я мыслящего” и мыслящей субстанции, причастность первого ко второй» (Бузский 2015: 9). Лишь социологически осмысленное Шюцем, данное понятие получило коммуникативную проекцию, концептуально развернутую в теории коммуникативного действия. Некоторые исследователи полагают, что именно у Хабермаса в идее «коммуникативного разума» интерсубъективность приобрела «наиболее развитую форму» (Шачин 2019: 28). Между тем, в отличие от энигматического статуса интерсубъективности в феноменологии Гуссерля, у Хабермаса она имеет скорее техническое значение и фактически не проблематизируется. Как справедливо указывает Э. Б. Миннулина, «в универсальной прагматике Ю. Хабермаса этот концепт используется как интуитивно понятный в контексте теории коммуникативного действия» (Миннулина 2013: 115).

Базируясь на установках Шюца в отношении интерсубъективности, Хабермас говорит о ней и как о модусе существования «жизненного мира» («интерсубъективно разделяемый *жизненный мир* образует фон для коммуникативных действий» /Хабермас 2008а: 8/), и как о достигаемом взаимопонимании: участники коммуникативных действий приходят (должны прийти) к «консенсусу, основывающемуся на интерсубъективном признании притязаний на значимость» (Хабермас 2008б: 15). Очевидно, что у Хабермаса, как и у Шюца, интерес к интерсубъективности преимущественно прагматический, и его интересует не интерсубъективность как таковая, а ее результат. У Шюца это понимание Другого, у Хабермаса — достижение интерсубъективного согласия (характерно, что понятие «интерсубъективности» часто встроено Хабермасом именно в процитированный выше оборот — «интерсубъективное признание»).

В этом прагматическом ракурсе Хабермас легко преодолевает шюцевскую психологичность/субъектоцентричность в трактовке интерсубъективности и выходит к реляционной, в широком смысле данного термина, онтологии — онтологии отношений, в которой субъект, субъективность оказываются «в модусе “между”» (Лещев 2013). «Диалогическая интерсубъективность» (Лещев 2013) рассматривается исследователями как «продукт» «коммуникативной онтологии» (Миннулина 2013: 118).

Именно в этом коммуникативном качестве понятие интерсубъективности утвердилось в социологии. В сегодняшнем прочтении его нельзя «вырвать... из контекста взаимоинтенциональной соотнесенности субъектов опыта, из ситуации диалога, коммуникации, общения» (Огурцов 2007: 60).

В аналитическом плане здесь стоит выделить *проекцию горизонта*, которая отсылает к вопросу, следует ли понимать интересубъективность как феномен короткозамкнутой или разнесенной во времени и пространстве коммуникации. Эту проекцию ввел Шюц, когда, спустив проблематику интересубъективности на твердую почву «жизненного мира», предложил понятия «мы-отношения» для ближайших межличностных отношений и «они-отношения» для более отдаленной социетальной и социокультурной дистанции. Бóльшая часть современных исследований по интересубъективности размещается в проблемном поле межличностных интеракций как наиболее аутентичного для данной проблематики. «Интерсубъективность... легче всего достигается при взаимодействии лицом к лицу или по крайней мере при голосовом взаимодействии» (Reich 2010: 59). Т. Лукман называет подобную *face-to-face* коммуникацию «конкретной интересубъективностью» (Лукман 2003: 3).

Рассмотренная в подобной ближайшей горизонтально-коммуникативной плоскости интересубъективность почти неизбежно оказывается «совокупностью личностных сознаний» (Бузский 2015: 8). В конечном счете именно сознание субъекта предстает конечной (или исходной) инстанцией порождения социальных значений. Количественное усиление этих сознаний, хотя и дает определенный кумулятивный эффект, приводя к «сопряженности когнитивных установок взаимодействующих субъектов» (Смирнова 2018: 248), не имеет онтологических последствий.

Многие исследования, однако, демонстрируют стремление выйти в понимании интересубъективности за границы межличностных отношений в разреженное пространство опосредованной (в пространственном и временном отношении) социокультурной коммуникации, считая возможным понимать интересубъективность «в подлинно гуссерлевском духе... как... *возможность* человеческого взаимодействия и человеческого понимания... включающая в себя исходный или изначальный уровень участия в мире, который обитаем даже тогда, когда никого не видно и не слышно» (Duranti 2010: 10–11). В этом случае интересубъективность трактуется скорее в качестве примордиального внесубъектного свойства.

Интерсубъективность как примордиальное внесубъектное свойство. В обозначенном ракурсе интересубъективность рассматривается как принадлежащая не столько взаимодействиям как их эфемерный продукт / атрибут (возвращающий в конечном счете к субъекту взаимодействия), сколько к особому интересубъективному пространству, понимаемому как условие взаимодействия. Это наиболее сложный и плохо эксплицированный аспект дискурса об интересубъективности (и социальной теории

вообще). С ним связано стремление прорваться к объективной в том или ином смысле реальности, предстоящей субъекту и в значительной степени определяющей его отношения с себе подобными. Подобное понимание специфицируется в философских, социокультурных системных ракурсах рассмотрения социальных отношений, исследовании логических потенциалов интеллигибельных систем и разного рода рациоморфных процессов (скрытых возможностей Третьего мира, онтологических обязательств языка и пр.).

В феноменологии подобная постановка вопроса актуализирует тему *жизненного мира* — один из парадоксальных следствий эволюции взглядов Гуссерля к внесубъектным основаниям социального бытия.

В социологии утвердилось шюцевское понимание *жизненного мира* как мира естественной установки, привычного мира, понятного всем, входящим в него по праву рождения. Интерсубъективность принадлежит этому миру как его неотъемлемое свойство, столь же естественное, органичное и незамечаемое, как воздух для аэробных организмов. В этом случае интерсубъективность как исследовательская проблема исчезает, редуцируясь к стилистическим оборотам вроде «интерсубъективно разделяемый *жизненный мир*».

Жизненный мир Хабермаса не противоречит шюцевскому, но рассматривается им с принципиальной иной позиции и с иной интенцией — не с позиции социального исследователя, изучающего способы, посредством которых обычный человек обустроивается в этом мире (как у Шюца), и не с позиции феноменолога, вопрошающего этот мир на предмет скрытых в нем трансцендентальных смыслов (как у Гуссерля), но с «проективно-конструктивной» (Фарман 2010: 177) позиции критической теории: сама «теория коммуникативного действия может быть рассмотрена... как *социокультурная проективная модель*» (Фарман 2010: 179). *Жизненный мир* оказывается ареной целенаправленной созидательной деятельности, а интерсубъективность, понятая преимущественно как осмысленный диалог, осознанная языковая коммуникация, направленная на достижение взаимопонимания, — инструментом его деколонизации, составляющей «основной эмансипационный интерес Хабермаса» (Лещев 2013). Об этой прагматической стороне теоретической работы Хабермаса в литературе было сказано достаточно. Понятый подобным образом *жизненный мир* открывает пространство для практической работы, но утрачивает трансцендентальную глубину.

Трактовка *жизненного мира* Гуссерлем — один из самых загадочных сюжетов феноменологии. С одной стороны, многие исследователи видят в этом понятии «впадение "позднего" Гуссерля в естественную установку»

(Савин 2008: 59) и едва ли не «самоустранение» феноменологии» (см.: Иванова 2017: 154).

Следует признать, что Гуссерль, в исходной разработке этого сюжета противопоставивший «математически субструируемому миру идеально-стей» «единственно действительный, действительно данный в восприятии, познанный и познаваемый в опыте мира — наш повседневный жизненный мир» (Гуссерль 2004: 74), дал достаточно оснований для таких выводов.

Вместе с тем феноменологи склонны подчеркивать исключительную сложность данного понятия, лишь на первый взгляд легко и непосредственно пропускающего к стоящему за ним смыслу (см., например: Мотрошилова 2007). В определенной степени эта сложность обусловлена недостаточной проработанностью «жизненного мира», на что обращали внимание многие исследователи.

Стремясь примирить противоречия гуссерлевских толкований жизненного мира, не потеряв ни одного из них, феноменологи подхватили предложение У. Клэггеса (см.: Савин 2008) различать жизненный мир в узком и широком смысле: под первым понимается мир, данный «до-научно, в повседневном чувственном опыте», составляющий «забытый смысловой фундамент естествознания» (Гуссерль 2004: 40; 74), под вторым — мир в его «полной конкретности» (Гуссерль 2004: 177), включая все его научные и культурные свершения. Социологический интерес представляет, конечно, прежде всего этот второй жизненный мир. Главная его особенность — бытие в качестве «постоянно предданного» и вследствие этого «бесспорного и само собой разумеющегося» (Гуссерль 2004: 110). Источник этой бесспорности — не «чувственный опыт» как таковой, но интересубъективный опыт, преданный «по определению» и в силу этого естественный и непререкаемый.

В общем социология, казалось бы, не испытывает трудностей с пониманием природы этого мира, в связи с чем могло бы даже возникнуть возражение: зачем возвращаться к Гуссерлю, коль описанные выше характеристики жизненного мира (предданность, социокультурная укорененность, естественная доступность) в полной мере раскрыты в феноменологии Шюца. Однако Шюц сделал ставку на повседневности и тем самым фактически задал совсем иную исследовательскую программу, нежели была обозначена Гуссерлем и интересует нас здесь.

Жизненный мир Гуссерля, данный дорефлексивно каждому, не есть мир повседневности и обыденных истин. Это сложное, многослойное духовное образование, включающее в себя в том числе предельные метафизические основания. В концепте *жизненного мира* Гуссерль пытался схватить то, что было начато в монадологии, — вынесенную за скобки

субъекта как активного рефлексирующего эго онтологию интересубъективности. Здесь начинается, по-видимому, самый «темный», по словам самого философа (Гуссерль 2004: 225), сюжет гуссерлевской феноменологии.

Жизненный мир преддан субъекту не только в плане повседневной очевидности, опирающейся на конкретную историческую традицию, но и в плане телоса истории и «конститутивных структур... полагания бытия мира» (Савин 2015: 7). Речь идет о «скрытой внутренней мотивации исторического процесса» (Гуссерль 2004: 27), об анонимных «духовных процессах, которые как таковые с сущностной необходимостью выполняют функцию конституирования смысловых гештальтов» (Гуссерль 2004: 154–155). Очевидно, что Гуссерль намечает в «Кризисе...» некий вариант внесубъектной онтологии в духе объективного идеализма Гегеля, что, несомненно, было замечено исследователями (см., например: Эннс 2003). По мнению Смирновой и Штыкова, «идея трансцендентальной субъективности Э. Гуссерля сопрягает основополагающую установку европейской культуры на достижение всеобщности, восходящую к платоновскому идеализму и идеалистическому мистицизму христианства, с индивидуалистическими интенциями поздневропейского гуманизма» (Смирнова, Штыков 2020: 92).

Интерсубъективность здесь есть воплощение «универсального разума, “врожденного” человечеству как таковому», «универсальная социальность (и в этом смысле — “человечность”», “пространство” всех Я-субъектов» (Гуссерль 2004: 32; 231). Как полагает Смирнова, «основатель трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерль мыслил интересубъективную предпосылку любых эмпирических сообществ. Последние суть посюсторонние манифестации ее трансцендентально чистого содержания, которые “лишь случайным образом могут быть не раскрыты”» (Смирнова 2014: 159).

По-видимому, именно подобный взгляд на интересубъективность имел в виду Шюц, когда критиковал Гуссерля за «совершенно непроясненный... переход от субъектов, коммуницирующих друг с другом, к конституции личных союзов более высокого порядка, ассоциациям субъектов, которые имеют свой собственный окружающий мир, и от этих ассоциаций к всеобъемлющему сообществу, окружающий мир которого более не содержит субъектов, — к сообществу духов» (Шюц 2003б: 71). Очевидно, это не тот жизненный мир, что интересует социологию. Как замечает Дивисенко, «“жизненный мир” — слишком объемное понятие и, возможно, не сугубо социологическая категория» (Дивисенко 2005: 197).

Между тем некоторые исследователи подхватили холистскую версию интерсубъективности и, развивая ее в социокультурном плане, говорят о ней как о надличностном феномене — «надличностной интерсубъективности», воплощенной в «культурно-символической форме» (Бузский 2015); «осажденной социокультурной нормативности, т.е. привычках, убеждениях, установках, а также исторически и культурно осажденных морфологиях» (Fusaroli et al. 2009: 2), своего рода духовном «эгрегоре» или, по Лотману, семиосфере, содержащей в себе общий фонд значений и смыслов. Примордиальность этого интерсубъективного универсума может быть обоснована генетически, в духе темпоральной онтологии М. Арчер, и логически, как пул потенциальных решений, заложенных в Третьем мире К. Поппера. Так, Адлер, предлагая видеть в интерсубъективности «коллективное знание», которое превосходит простую совокупность индивидуальных убеждений/верований (beliefs) и, «встроенное в социальные процедуры и практики» социальных акторов, «сохраняется за пределами [их] жизни», замечает, что в этом плане не может предложить ничего лучшего, чем понятие Третьего мира Карла Поппера (Adler 1997: 327). Гофас, развивая представления о реалистском (в духе критического реализма М. Арчер) статусе концепта «интерсубъективность», настаивает на необходимости рассмотрения «структурных свойств идей», не сводимых к индивидуально воплощенным идеям, возникающим вследствие интеракции субъектов (Gofas 2002).

Речь идет о надличностном знании, носителями которого выступают «реифицированные» сущности — языковые конструкции научного (Р. Карнап), поэтического и медиатекста (Дубровский 2014; Анисов 2008), институты (Gillespie, Cornish 2009), культурно-символические комплексы (Бузский 2015). Это «мир воплощенной интерсубъективности, или культуры» (Докучаев 2016: 274), и он действительно ближе Третьему миру Поппера¹, чем жизненному миру Шюца или Хабермаса.

Социогуманитарное знание давно проявляет интерес к логико-смысловым конструкциям, скрытым в толще истории (достаточно упомянуть школу Анналов и концептуальный пул «Интеллектуальной истории»), хотя социология на этом поле выступает скорее в роли почитительного зрителя, нежели полноправного игрока. Причина достаточно очевидна и связана,

¹ В литературе мы встретили мнение, что представление о «Третьем мире» «сформировалось у Поппера под несомненным влиянием концепции «жизненно-го мира» Э. Гуссерля» (Назарова 2018: 103). Мнение это представляется слишком смелым, однако надо заметить, что Поппер действительно рассматривал идеи Гуссерля в их сопоставлении со своей концепцией трех миров (Поппер 2002: 161).

на наш взгляд, с чрезвычайной сложностью той задачи, которая в силу дисциплинарно заложенных познавательных установок поставлена перед социологией в этом проблемном поле. Эта задача ориентирует не столько на реконструкцию исторически утопленных смысловых пластов, сколько на экспликацию диспозиций, потенцированных прошлым и настоящим, и очевидно, что сегодняшняя социология не располагает ни методологическими, ни методическими ресурсами для исследований такого рода.

Гораздо лучше социология оснащена для разработки проблематики, которая здесь обозначается как *модус интерсубъективности*. В названной проекции интерсубъективности как некоему состоянию лично или обезличено воплощенной субъектности (набору атрибутов, свойств, характеристик), противопоставляется видение ее как механизма становления и движения субъектности. Иначе говоря, интерсубъективность может быть как «субстанциональной» (связанной с вопросом «что»), так и функциональной (связанной с вопросом «как») характеристикой.

Большая часть дискурса об интерсубъективности тяготеет к первой трактовке, и именно ей было посвящено предшествующее изложение, где интерсубъективность рассматривалась как тем или иным образом определяемое «нечто» — примордиальное или формируемое свойство, характеризующее субъекта или среду его жизнедеятельности.

Однако вопрос об интерсубъективности может быть поставлен также как вопрос о конфигурации, внутреннем устройстве, причинно-следственных и функциональных зависимостях тех процессов, посредством которых возникает общий пул социальных смыслов, — как ближайших, ситуативных, обслуживающих взаимодействия микроуровня, так и отдаленных, задающих социокультурное пространство социума. Подобная постановка вопроса имплицитно присутствует в огромном числе исследований, посвященных локальным процессам установления взаимопонимания и согласованности действий при решении тех или иных задач (см., например: Ligorio et al. 2005; Alterman 2007; Violi 2009) и отражена в ряде определенных (см., например: Reich 2010: 60).

Однако анализ механизмов интерсубъективности может быть направлен не только на исследование процессов взаимодействия локального уровня. В рамках генетической феноменологии можно говорить об интерсубъективности шире — как механизме движения *жизненного мира*, конкретных его «узлах» и «деталях». Именно в этой проекции интерсубъективность становится, на наш взгляд, подлинной темой социологии. Если философ видит интерсубъективность в ракурсе раскрытия энтелехии истории, то социолог ставит вопрос о соответствующих процессах, воплощающих и задающих логику истории.

Таким образом, в социологическом ракурсе интерсубъективность можно рассматривать как способ существования *жизненного мира*, воплощающийся в соответствующих механизмах конституирования и движения смысловых гештальтов, раскрыть которые, с максимальным приближением к эмпирически различимым манифестациям, и составляет социологическую программу исследования интерсубъективности.

Генетическая феноменология содержит серьезные наработки к подобной исследовательской программе. Мы имеем в виду намеченную Гуссерлем модель *домашнего мира* и *типов историчности (генеративности)*, определяющие его динамику. Обозначая не более чем абрис этого чрезвычайно богатого на возможные содержательные повороты и интерпретационные ракурсы сюжета, зафиксируем основную его интригу, состоящую в механизмах поддержания и разрушения целостности этого мира. Домашний мир примордиально доступен, он родной от рождения и базируется на аподиктически данных истинах¹ и «экстраполяция своего стиля нормальности на все, что встречается». В этом мире понятно *всё*, свойственная ему «естественная генеративность» носит ««пищеварительный» характер» (Савин 2008: 140–141) и не оставляет места для аномалий, которые могли бы поколебать составляющие его конститутивные системы. В этом мире тотальной экстраполируемости не может быть истории как развития. История врывается в него как катастрофа: «Жизнь, определяемая естественной установкой, распадается на рутинную, полностью тривиализированную повседневность... с одной стороны, с другой — на приобретающую характер катастрофы историю, которая появляется в естественной жизни словно *Deus ex machina*, историю, о существовании которой здесь узнают только по событиям такого рода как получение мобилизационного предписания» (Савин 2008: 138).

Как полагал Гуссерль, *домашний мир* размыкается вследствие появления у него дальних горизонтов (горизонтов *чужих миров*), что названо им «политической» историчностью, и воздействием со стороны «особых миров», прежде всего науки («историчность-связанная-с-разделением-труда»). Воздействие последнего типа может быть как целенаправленным, индоктринирующим (Гуссерль назвал это «вмешательством»), так и подспудным, инкультурирующим (здесь он предложил термин «втекание») (см.: Савин 2008: 180–181).

Предусмотренные данными типами историчности конститутивно-смысловые интервенции в домашний мир задают главную интригу в ис-

¹ Как замечает Гуссерль, «аподиктическое мышление лишь «открывает» то, что истинно уже заранее, уже само по себе» (Гуссерль 2004: 38).

следовании его динамики, ведь специфической особенностью домашнего мира является как раз устойчивость перед внешними импульсами: пусть в ходе названных процессов «...он постоянно разлагается, но и постоянно воссоздается вследствие действия “естественной историчности”, изначального генеративного опыта (Савин 2008: 138). Достаточно посмотреть, как использует свои смартфоны подавляющее большинство населения, чтобы почувствовать мощную силу инерции конститутивных систем, легко превращающей сложнейшие достижения научной мысли в естественные предметы, наряду с обычными камнями и деревьями (как писал Гуссерль, «теоретическая установка, будучи особым образом преобразованной в инженерную, вновь превращается в особую форму естественной, наивной» (цит. по: Савин 2008: 149). Какова природа тех интерсубъективных процессов, которые работают на «переваривание» того, что попадает в домашний мир? Где пролегает та грань, за которой «ферментативные» (конститутивные) системы *домашнего мира* перестают справляться, и наступает «несварение» и, как следствие, его разрушение?

Вопросы эти актуальны как в конкретно-историческом моменте, так и в аналитическом плане. В целом речь идет о выявлении многообразных способов, горизонтальных и вертикальных каналов порождения, эманации, оседания, реактивации смыслов, посредством которых формируется не только актуальное взаимопонимание между коммуницирующими субъектами, но и жизненный мир как экзистенциальное и социокультурное пространство социума. Сама подборка этих способов, диапазон которых огромен, составляет отдельную исследовательскую задачу. Очевидно, что в нее входят как непосредственная межличностная, так и опосредованная обезличенная коммуникация, как целенаправленная информационная индоктринация («вмешательство»), так и направляющее воздействие языка, образующего, по Ю.С. Степанову, концептуализированные области, канализующие не только восприятие актуальной действительности, но и последующее движение смыслов (см.: Степанов 2004: 74); пространственно-временная организация жизни и вещный мир¹;

¹ Тема *объектной воплощенности* интерсубъективности, получившая несколько экстравагантное исполнение в акторно-сетевой теории (где интерсубъективность превратилась в интеробъективность), присутствует уже у Гуссерля и Шюца как сюжет о ее телесных и объектно-вещных предпосылках. Представление о важнейшем значении объектов-медиаторов утвердилось в дискурсе об интерсубъективности, по-видимому, в определенной степени благодаря исследованиям в области психологии развития, выделившим наступающий примерно с 9-месячного возраста этап *вторичной интерсубъективности*, в производство которой органично вовлечены объекты и ситуации внешнего мира. В этот период

бытовые практики¹ и событийные констелляции; институциональные матрицы, расчерчивающие пространство повседневности, и соответствующие процедуры, реализующие заложенный в них смысл и генерирующие у акторов соответствующие интенции — иными словами, «все ступени и слои, в которых сплетаются между собой интенционально переходящие (übergreifende) от субъекта к субъекту синтезы» (Гуссерль 2004: 225), все «значения, все равно, воплощены они или нет в действиях, институтах, продуктах труда, словах, кооперативных связях или документах» (Хабермас 2008-б: 10). Всё это есть механизмы интерсубъективности, нуждающиеся как в теоретической, так и в эмпирической экспликации.

Заключение

Интерсубъективность — понятие, с равным правом принадлежащее философии, психологии, социологии, нейрофизиологии и когнитивной науке. Неудивительно, что это слово оказывается понятием с размытым полем значений, каждое из которых отражает определенную грань стоящего за ним феномена. В данном тексте сделана попытка эксплицировать эти грани и аналитически представить их как проекции интерсубъективности. Обобщая существующие в социогуманитарном знании взгляды, можно сказать, что интерсубъективность осмыслена прежде всего как феномен онтогенетического развития / социализации личности, а также ближайших межличностных взаимодействий. Между тем общий вектор развития гуссерлевской феноменологии и концептуализации интерсубъективности выстраивался по линии преодоления антропологически понятой субъективности. Сама феноменология развивалась по сути, под знаком интуиций социологического свойства. Подобное прочтение гуссерлевских идей несколько не является дисциплинарным насилием над ними. Представляются глубоко верными наблюдения исследователей, что «социальная проблематика не есть частное обнаружение теории Гуссерля, некий “побочный продукт”, но в определенном смысле ее сердцевина» (Иванова 2017б: 144). Начинаясь как эгологическая проблема, тема интерсубъективности превратилась в историо-

«в наших попытках понять других мир начинает выполнять свою часть работы. <...> Вещи вокруг нас создают почву для совершения определенных действий» (Gallagher 2009: 294). С. Синха, развивая идею материализованной интерсубъективности, обращает внимание на естественным образом возникающую при этом нормативную регуляцию взаимодействий (Sinha 2009).

¹ Сошлемся на знаменитый социокультурный сюжет, связанный с пеленанием младенцев, выводящий на «смыслообразование в его базовых структурах» (Савин 2015: 12).

софскую проблематику становления и развития коллективного разума человечества.

Эта историософская перспектива задает рамку для иной, нежели шюцевская, версии феноменологической социологии, выводящей к горизонтам исторических судеб человечества и не теряющей при этом жизненного мира во всей его исходной домашней непосредственности. В рамках этой новой версии представляется возможным *инструментализовать* понятие интерсубъективности, рассмотрев ее в функциональном модусе как механизм порождения конститутивных смысловых структур разных уровней воплощенности, что дает возможность использования данной категории в социологических исследованиях теоретического и эмпирического плана.

Интерсубъективность была и остается многозначным понятием, и попытки дисциплинарно «узурпировать» его были бы непродуктивны. В настоящем тексте акцент был сделан на возможностях социологического осмысления интерсубъективности, сопровождаемого восстановлением ее первоначальной трансцендентальной перспективы и возвратом к Гуссерлю, обогатившему социогуманитарное знание этим многоплановым и емким понятием.

Литература

- Алебастрова А.А. (2015) Проблемы интерсубъективности личности в философии постмодерна. *Вестник ТОГУ. Социология и философия*, 1: 269–276.
- Анисов А.М. (2008) Логика интерсубъективного цитирования. *Философский журнал*, 1: 109–132.
- Артеменко Н.А. (2020) Тематизация сферы пассивности в феноменологии Э. Гуссерля и проблема интерсубъективного мира. *Вопросы философии*, 8: 193–203.
- Борисов Е. (1999) Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля. *Логос*, 1: 65–83 [https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm#_ftn1] (дата обращения: 17.03.2021).
- Бузский М.П. (2015) Интерсубъективность как свойство культурно-символической формы. *Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7. Философия*, 1: 6–14.
- Вахштайн В. (2014) Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции. *Социология власти*, 1: 5–9.
- Гуссерль Э. (2004) *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. СПб.: Владимир Даль.
- Гуссерль Э. (2010) *Картезианские медитации*. М.: Академический проект.
- Дивисенко К.С. (2005) Концепция жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля: горизонты социологического исследования. *Петербургская социология сегодня*, 1: 179–194.

Докучаев И.И. (2016) Генетическая феноменология как метафизика истории, социального и культурного бытия. *Культура и цивилизация*, 6(5А): 272–283.

Дубровский Д.И. (2014) Интерсубъективность в научном и массовом сознании. Смирнова Н.М. (ред.). *Интерсубъективность в науке и философии*. М.: Канон+; Реабилитация: 214–217.

Иванова А.С. (2017-а) Влияние феноменологического проекта Э. Гуссерля на социальную теорию. Часть 1. *Философия науки и техники*, 22(1): 152–161.

Иванова А.С. (2017-б) Влияние феноменологического проекта Э. Гуссерля на социальную теорию. Часть 2. *Философия науки и техники*, 22(2): 136–147.

Лещев С.В. (2013) Интерсубъективность и коммуникативное действие (неокантианство и постмодернизм прагматики Ю. Хабермаса). *Вопросы философии*, 3: 165–175 [http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=720] (дата обращения: 24.01.2018).

Лукман Т. (2007) Аспекты теории коммуникации. *Социологическое обозрение*, 6(3): 3–20.

Луман Н. (2007) *Введение в системную теорию*. М.: Логос.

Миннуллина Э.Б. (2013) Интерсубъективность как бытие-в-речи в пространстве жизненного мира. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 10–2: 115–119.

Мотрошилова Н.В. (2007) Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля. *Вопросы философии*, 7: 102–112.

Назарова В.С. (2018) Трансформация понятия «жизненный мир» субъекта в парадигме интерсубъективизма. *Манускрипт*, 11–1: 102–106.

Огурцов А.П. (2007). Интерсубъективность как поле философских исследований. *Личность. Культура. Общество*, 1: 58–69.

Поппер К. (2002) *Объективное знание. Эволюционный подход*. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Савин А.Э. (2008) *Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля*. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ.

Савин А.Э. (2015) Смыслообразование в свете феноменологической философии. *Вех. Философский журнал*, 18: 1–21.

Смирнова Н.М. (2014) Концепт интерсубъективности в структурах междисциплинарного синтеза. *Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях*. М.: ИФ РАН: 145–163.

Смирнова Н.М. (2018) Как возможна междисциплинарная модель интерсубъективности? Касавин И.Т., Воронина Н.Н. (ред.) *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии*. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского: 247–261.

Смирнова Н.М., Штыков Д.Р. (2020) Онтологический статус социокультурных объектов как предмет феноменологической критики (А. Шюц, Р. Ингарден). *Философский журнал*, 13(4): 89–101.

Степанов Ю.С. (2004) *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический проект.

Тенгели Л. (2012) Интервью с профессором Ласло Тенгели. Часть I. *Horizon. Феноменологические исследования*, 1(2): 232–247.

Фарман И.П. (2010) Язык и действие: традиционные и новые контексты. *Философия науки. Вып. 15: Эпистемология: актуальные проблемы*. М.: ИФ РАН: 163–182.

Хабермас (2008а) Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия. *Социологическое обозрение*, 7(1): 3–24.

Хабермас (2008б) Проблематика понимания смысла в социальных науках. *Социологическое обозрение*, 7(3): 3–33.

Шачин С.В. (2012) Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса и ее применение к некоторым психологическим темам. *Культурно-историческая психология*, 1: 34–46.

Шмерлина И.А. (2021) «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия. *Социологический журнал*, 27(3): 35–59.

Шютц А. (2003а) Основной аргумент «Идей II» Гуссерля. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* М.: Институт Фонда «Общественное мнение»: 10–34.

Шютц А. (2003б) Проблема трансцендентальной интерсубъективности у Гуссерля. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* М.: Институт Фонда «Общественное мнение»: 46–84.

Шюц А. (2004) Обыденная и научная интерпретация человеческого действия. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН: 7–50.

Шюц А. (2004). Значение Э. Гуссерля для социальных наук. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН: 151–160.

Эннс И.А. (2003) *Проблема интерсубъективности: основания и способы тематизации: автореф...* канд. филос. наук. Томск.

Якобони М. (2011) *Отражаясь в людях: Почему мы понимаем друг друга*. М.: Юнайтед Пресс.

Adler E. (1997) Seizing the middle ground: Constructivism in world politics. *European Journal of International Relations*, 3 (3): 319–363.

Alterman R. (2007) Representation, interaction, and intersubjectivity. *Cognitive Science*, 31: 815–841.

Brinck I. (2008) The role of intersubjectivity in the development of intentional communication. Zlatev J. and al. (eds.) *The shared mind: perspectives on intersubjectivity*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 115–140.

Coelho Jn.N.E., Figueiredo L.C. (2003) Patterns of Intersubjectivity in the constitution of subjectivity: dimensions of otherness. *Culture and Psychology*, 9 (3): 193–208.

Duranti A. (2010) Husserl, intersubjectivity and anthropology. *Anthropological Theory*, 10(1): 1–20.

Edwards T. (2018) Intersubjectivity [https://www.researchgate.net/publication/326994930_Intersubjectivity] (дата обращения: 15.03.2021).

Fabian J. (2014) Ethnography and intersubjectivity: loose ends. *Journal of Ethnographic Theory*, 4(1): 199–209.

Fugelli P. et al. (2013) Shared prolepsis and intersubjectivity in open source development: Expansive grounding in distributed work. *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work (February 23–27, 2013, San Antonio, TX, USA)*: 129–143 [<https://www.researchgate.net/publication/262364640>] (дата обращения: 16.03.2021).

Fusaroli R. et al. (2009) The Intersubjectivity of embodiment. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(1): 1–5.

Gallagher S. (2009) Two Problems of Intersubjectivity. *Journal of Consciousness Studies*, 16(6–7): 289–308.

Gallese V. (2003) The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity. *Psychopathology*, 36(4): 171–180.

Gillespie A. (2009) The intersubjective nature of symbols. Wagoner B. (ed.) *Symbolic transformations*. L.: Routledge: 23–37.

Gillespie A., Cornish F. (2009) Intersubjectivity: towards a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40(1): P. 19–46.

Gobodo-Madikizela P. (2016) Interrupting cycles of repetition: creating spaces for dialogue, facing and mourning the past. In: Gobodo-Madikizela P. (ed.). *Breaking intergenerational cycles of repetition: A global dialogue on historical trauma and memory*. Verlag Barbara Budrich: 113–134.

Gofas A. (2002) Structure, agency and intersubjectivity: Re-capturing the EMU. Policy process in a constructivist realist framework (Paper prepared for the 2nd workshop of the European Political-economy Infrastructure Consortium, May 2002) [http://aei.pitt.edu/725/1/C2W3_Gofas.pdf] (дата обращения: 20.03.2021).

Gui L. et al. (2016) Intersubjectivity and sentiment: from language to knowledge. *Proceedings of the Twenty-Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI–16)*: 2789–2795 [https://www.researchgate.net/publication/306359924_Intersubjectivity_and_Sentiment_from_Language_to_Knowledge#fullTextFileContent] (дата обращения: 18.03.2021).

Intersubjectivity (2002). Calhoun C. (ed.) *Dictionary of the Social Sciences*. Oxford University Press [<https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780195123715.001.0001/acref-9780195123715-e-860>] (дата обращения: 17.03.2021).

Intersubjectivity-a. *International Encyclopedia of the Social Sciences. Encyclopedia.com* [<https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/intersubjectivity>] (дата обращения: 16.03.2021).

Intersubjectivity-b. Alleydog.com's online glossary [<https://www.alleydog.com/glossary/definition.php?term=Intersubjectivity>] (дата обращения: 16.03.2021).

Krueger J., Legrand D. (2009) The open body. In: Carassa A. et al. (eds.) *Enacting intersubjectivity: Paving the way for a dialogue between cognitive science, social cognition and neuroscience (Proceedings of international workshop; Lugano, Switzerland, february 13th and 14th 2009)*: 109–128.

Kvale S. (1994) Ten standard objections to qualitative research interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*, 25(2): 147–183.

Leadbeater B.J. (1989) *Between subjects: shared meanings of intersubjectivity*. Paper presented at the National Biennial Meeting of the Society for Research in Child Development (21st, Kansas City, MO, April 27–30, 1989).

Ligorio M. B. et al. (2005). Building intersubjectivity at a distance during the collaborative writing of fairytales. *Computers & Education*, 45: 357–374.

Lodder P. et al. (2015) Enactivism and neonatal imitation: conceptual and empirical considerations and clarifications. Di Paolo E., De Jaegher H. (eds.) *Towards an embodied science of intersubjectivity: Widening the scope of social understanding research*. Lausanne: Frontiers Media: 29–39.

McKenzie J. (2015) Recognizing decentered intersubjectivity in social experience. *Emotion Review*, 7(1): 73–78.

Overgaard S., Zahavi D. (2009) Phenomenological sociology: The Subjectivity of everyday life. Jacobsen M.H. et al. (eds.) *Encountering the everyday: An introduction to the sociologies of the unnoticed*. N.Y.: Palgrave Macmillan: 93–115.

Reich W. (2010) Three problems of intersubjectivity — and one solution. *Sociological Theory*, 28(1): 40–63.

Scheff T. (2001) Goffman on surface and interior [<http://scheff.faculty.soc.ucsb.edu/main.php?id=19.html> online] (дата обращения: 18.03.2021).

Scriven M. (1972) Objectivity and subjectivity in educational research. Thomas L.G. (ed.) *Philosophical redirection of educational research*. Chicago: Chicago University Press: 95–142.

Sinha C. (2009) Objects in a storied world: materiality, normativity, narrativity. *Journal of Consciousness Studies*, 16(6–8): 167–190.

Stahl G. (2016) From intersubjectivity to group cognition. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 25(4–5): 355–384.

Stevanovic M., Koski S.E. (2018) Intersubjectivity and the domains of social interaction: proposal of a cross-sectional approach. *Psychology of Language and Communication*, 22(1): 39–70.

Trevarthen C. (1979) Communication and cooperation in early infancy: a description of primary intersubjectivity. Bullowa M. (ed.) *Before speech: the beginning of interpersonal communication*. Cambridge; L.; N.Y.; Melbourne: Cambridge University Press: 321–340.

Violi P. (2009) How our bodies become us: Embodiment, semiosis and intersubjectivity. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(1): 57–75.

Zahavi D. (2001) Beyond empathy. Phenomenological approaches to intersubjectivity. *Journal of Consciousness Studies*, 8(5–7): 151–167.

Zahavi D. (2005) *Subjectivity and selfhood: Investigating the first person perspective*. Cambridge: MIT.

Zlatev J. et al. (2008) Intersubjectivity: what makes us human? In: Zlatev J. and al. (eds.) *The shared mind: perspectives on intersubjectivity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 1–14.

CONCEPTUAL PERSPECTIVES ON THE NOTION OF INTERSUBJECTIVITY

Irina A. Shmerlina

(shmerlina@yandex.ru)

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Shmerlina I.A. (2022) Kontseptual'nyye rakursy ponyatiya intersub'yektivnosti [Conceptual perspectives on the notion of intersubjectivity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(3): 7–40 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.1>

Abstract. The article provides a conceptual marking of the problem field of the concept of “intersubjectivity”. Two basic projections of this concept — ontology and genesis — and three additional ones — locus, horizon and modus — are distinguished. Describing the thematization of intersubjectivity in philosophy, sociology, anthropology, psychology, cognitive sciences, and neurophysiology in an almost exhaustive way, these projections go back largely to E. Husserl’s phenomenology. The article shows the complex evolution of Husserl’s ideas about intersubjectivity, formulated early in the philosopher’s work as an egological problem and later as a problem of the “lifeworld”. While the initial formulation of the problem of intersubjectivity predominantly grounds psychological and neurophysiological research, its understanding it as an immanent property of the lifeworld corresponds to the sociological perspective, classically presented in phenomenological sociology. According to the author, an alternative phenomenological program can be deployed in sociology, going beyond the “constitutive phenomenology of the natural attitude” and relying on the intuitions of the late Husserl, including genetic phenomenology. It is also sociologically promising to consider intersubjectivity in a functional modus — in terms of the mechanisms of constituting the meaning structures that maintain the lifeworld in its self-evident reality or destroy it.

Keywords: Intersubjectivity, phenomenology, phenomenological sociology, generative phenomenology, E. Husserl, A. Schutz, J. Habermas, transcendental ego, passive synthesis, natural attitude, lifeworld, home world, historicity.

References

- Adler E. (1997) Seizing the middle ground: Constructivism in world politics. *European Journal of International Relations*, 3 (3): 319–363.
- Alabastrova A.A. (2015) Problemy intersub'yektivnosti lichnosti v filosofii postmoderna (Problems of personality intersubjectivity in postmodern philosophy). *Vestnik TOGU. Sotsiologiya i filosofiya* (PNU (Pacific National University) Bulletin. Sociology and Philosophy), 1: 269–276 (in Russian).
- Alterman R. (2007) Representation, interaction, and intersubjectivity. *Cognitive Science*, 31: 815–841.
- Anisov A.M. (2008) Logika intersub'yektivnogo tsitirovaniya (The intersubjective citation logic). *Filosofskiy zhurnal* (Philosophical Journal), 1: 109–132 (in Russian).
- Artemenko N.A. (2020) Tematizatsiya sfery passivnosti v fenomenologii E. Gusserlya i problema intersub'yektivnogo mira (Thematization of the sphere of passivity in E. Husserl's phenomenology and the problem of the intersubjective world). *Voprosy filosofii* (Philosophy Questions), 8: 193–203 (in Russian).
- Borisov Ye. (1999) Problema intersub'yektivnosti v fenomenologii E. Gusserlya (The problem of intersubjectivity in E. Husserl's phenomenology). *Logos* (Logos), 1: 65–83 [https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm#_ftn1] (accessed: 17.03.2021) (in Russian).
- Brinck I. (2008) The role of intersubjectivity in the development of intentional communication. Zlatev J. and al. (eds.) *The shared mind: perspectives on intersubjectivity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 115–140.
- Buzskiy M.P. (2015) Intersub'yektivnost' kak svoystvo kul'turno-simvolicheskoy formy (Intersubjectivity as a property of cultural-symbolic form). *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Volgograd state Univ. Series 7. Philosophy], 1: 6–14 (in Russian).
- Coelho Jn.N.E., Figueiredo L.C. (2003) Patterns of Intersubjectivity in the constitution of subjectivity: dimensions of otherness. *Culture and Psychology*, 9 (3): 193–208.
- Divisenko K.S. (2005) Kontseptsiya zhiznennogo mira v transtsendental'noy fenomenologii E. Gusserlya: gorizonty sotsiologicheskogo issledovaniya [The concept of the lifeworld in E. Husserl's transcendental phenomenology: Horizons of sociological research]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], 1: 179–194 (in Russian).
- Dokuchayev I.I. (2016) Geneticheskaya fenomenologiya kak metafizika istorii, sotsial'nogo i kul'turnogo bytiya (Genetic phenomenology as a metaphysics of history, social and cultural being). *Kultura i tsivilizatsiya* (Culture and Civilization), 6 (5A): 272–283 (in Russian).
- Dubrovskiy D.I. (2014) Intersub'yektivnost' v nauchnom i massovom soznanii (Intersubjectivity in scientific and mass consciousness). In: Smirnova N.M. (ed.) *Intersub'yektivnost' v nauke i filosofii* (Intersubjectivity in Science and Philosophy). Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya: 214–217 (in Russian).
- Duranti A. (2010) Husserl, intersubjectivity and anthropology. *Anthropological Theory*, 10(1): 1–20.
- Edwards T. (2018) Intersubjectivity [https://www.researchgate.net/publication/326994930_Intersubjectivity] (accessed: 15.03.2021).

Enns I.A. (2003) *Problema intersub'yektivnosti: osnovaniya i sposoby tematizatsii: Avtoref... kand. filos. nauk* (The problem of intersubjectivity: grounds and methods of thematization: Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in Philosophy). Tomsk (in Russian).

Fabian J. (2014) Ethnography and intersubjectivity: loose ends. *Journal of Ethnographic Theory*, 4(1): 199–209.

Farman I.P. (2010) Yazyk i deystviye: traditsionnyye i novyye konteksty [Language and action: traditional and new contexts]. *Filosofiya nauki. Vyp. 15: Epistemologiya: aktual'nyye problemy* [Philosophy of Science. Issue. 15: Epistemology: current issues.]. Moscow: IF RAN: 163–182 (in Russian).

Fugelli P. et al. (2013) Shared prolepsis and intersubjectivity in open source development: Expansive grounding in distributed work. *Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work (February 23–27, 2013, San Antonio, TX, USA)*: 129–143 [<https://www.researchgate.net/publication/262364640>] (accessed: 16.03.2021).

Fusaroli R. et al. (2009) The Intersubjectivity of embodiment. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(1): 1–5.

Gallagher S. (2009) Two Problems of Intersubjectivity. *Journal of Consciousness Studies*, 16(6–7): 289–308.

Gallese V. (2003) The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity. *Psychopathology*, 36(4): 171–180.

Gillespie A. (2009) The intersubjective nature of symbols. Wagoner B. (ed.) *Symbolic transformations*. London: Routledge: 23–37.

Gillespie A., Cornish F. (2009) Intersubjectivity: towards a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40(1): 19–46.

Gobodo-Madikizela P. (2016) Interrupting cycles of repetition: creating spaces for dialogue, facing and mourning the past. In: Gobodo-Madikizela P. (ed.). *Breaking intergenerational cycles of repetition: A global dialogue on historical trauma and memory*. Verlag Barbara Budrich: 113–134.

Gofas A. (2002) Structure, agency and intersubjectivity: Re-capturing the EMU. Policy process in a constructivist realist framework (Paper prepared for the 2nd workshop of the European Political-economy Infrastructure Consortium, May 2002) [http://aei.pitt.edu/725/1/C2W3_Gofas.pdf] (accessed: 20.03.2021).

Gui L. et al. (2016) Intersubjectivity and sentiment: from language to knowledge. *Proceedings of the Twenty-Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI-16)*: 2789–2795 [https://www.researchgate.net/publication/306359924_Intersubjectivity_and_Sentiment_from_Language_to_Knowledge#fullTextFileContent] (accessed: 18.03.2021).

Habermas (2008a) Otnosheniya k miru i ratsional'nyye aspekty deystviya v chetyrekh sotsiologicheskikh ponyatiyakh deystviya [Relations to the world and rational aspects of action in four sociological concepts of action]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 7 (1): 3–24 (in Russian).

Habermas (2008b) Problematika ponimaniya smysla v sotsial'nykh naukakh [The problem of understanding meaning in the social sciences]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 7 (3): 3–33 (in Russian).

Husserl E. (2004) *Krizis yevropeyskikh nauk i transsental'naya fenomenologiya* (The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology). St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (in Russian).

Husserl E. (2010) *Kartezianskiye meditatsii* (Cartesian Meditations). Moscow: Akademicheskii proyekt (in Russian).

Intersubjectivity (2002). Calhoun C. (ed.) *Dictionary of the Social Sciences*. Oxford University Press [<https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780195123715.001.0001/acref-9780195123715-e-860>] (accessed: 17.03.2021).

Intersubjectivity-a. *International Encyclopedia of the Social Sciences. Encyclopedia.com* [<https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/intersubjectivity>] (accessed: 16.03.2021).

Intersubjectivity-b. Alledog.com's online glossary [<https://www.alledog.com/glossary/definition.php?term=Intersubjectivity>] (accessed: 16.03.2021).

Ivanova A.S. (2017-b) Vliyaniye fenomenologicheskogo proyekta E. Gusserlya na sotsial'nyu teoriyu. Chast' 2 [The influence of E. Husserl's phenomenological project on social theory. Part 2]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 22 (2): 136–147 (in Russian).

Ivanova A.S. (2017-a) Vliyaniye fenomenologicheskogo proyekta E. Gusserlya na sotsial'nyu teoriyu. Chast' 1 (The influence of E. Husserl's phenomenological project on social theory. Part 1). *Filosofiya nauki i tekhniki* (Philosophy of Science and Technology), 22(1): 152–161 (in Russian).

Krueger J., Legrand D. (2009) The open body. In: Carassa A. et al. (eds.) *Enacting intersubjectivity: Paving the way for a dialogue between cognitive science, social cognition and neuroscience (Proceedings of international workshop; Lugano, Switzerland, february 13th and 14th 2009)*: 109–128.

Kvale S. (1994) Ten standard objections to qualitative research interviews. *Journal of Phenomenological Psychology*, 25(2): 147–183.

Leadbeater B.J. (1989) *Between subjects: shared meanings of intersubjectivity*. Paper presented at the National Biennial Meeting of the Society for Research in Child Development (21st, Kansas City, MO, April 27–30, 1989).

Leshchev S.V. (2013) Intersub'yektivnost' i kommunikativnoye deystviye (neokantianstvo i postmodernizm pragmatiki YU. Khabermasa) [Intersubjectivity and communicative action (Neo-Kantianism and postmodernism of J. Habermas's pragmatism)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 3: 165–175 [http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=720] (accessed: 24.01.2018) (in Russian).

Ligorio M. B. et al. (2005). Building intersubjectivity at a distance during the collaborative writing of fairytales. *Computers & Education*, 45: 357–374.

Lodder P. et al. (2015) Enactivism and neonatal imitation: conceptual and empirical considerations and clarifications. Di Paolo E., De Jaeger H. (eds.) *Towards an embodied science of intersubjectivity: Widening the scope of social understanding research*. Lausanne: Frontiers Media: 29–39.

Luckmann T. (2007) Aspekty teorii kommunikatsii [Aspects of communication theory]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 6 (3): 3–20 (in Russian).

Luhmann N. (2007) *Vvedeniye v sistemnyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Moscow: Logos Publ. (in Russian).

McKenzie J. (2015) Recognizing decentered intersubjectivity in social experience. *Emotion Review*, 7(1): 73–78.

Minnullina E.B. (2013) Intersub'yektivnost' kak bytiye-v-rechi v prostranstve zhiznennogo mira [Intersubjectivity as being-in-speech in the space of the life world]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of Theory and Practice], 10–2: 115–119 (in Russian).

Motroshilova N.V. (2007) Ponyatiye i kontsepsiya zhiznennogo mira v pozdney filosofii Edmunda Gusserlya [The concept and concept of the lifeworld in the late philosophy of Edmund Husserl]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 7: 102–112 (in Russian).

Nazarova V.S. (2018) Transformatsiya ponyatiya «zhiznennyy mir» rassmatrivayet-sya v paradigme intersub'yektivizma [The transformation of the concept of “lifeworld” is considered in the paradigm of intersubjectivism]. *Manuskript* [Manuscript], 11–1: 102–106 (in Russian).

Ogurtsov A.P. (2007). Intersub'yektivnost' kak pole filosofskikh issledovaniy. (Intersubjectivity as a field of philosophical research). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* (Personality. Culture. Society), 1: 58–69 (in Russian).

Overgaard S., Zahavi D. (2009) Phenomenological sociology: The Subjectivity of everyday life. Jacobsen M.H. et al. (eds.) *Encountering the everyday: An introduction to the sociologies of the unnoticed*. New York: Palgrave Macmillan: 93–115.

Popper K. (2002) *Obyektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. evolutionary approach]. Moscow: Editorial URSS, 2002 (in Russian).

Reich W. (2010) Three problems of intersubjectivity — and one solution. *Sociological Theory*, 28(1): 40–63.

Savin A.E. (2008) *Transtsendentalizm i istorichnost' v fenomenologii Gusserlya* [Transcendentalism and Historicity in Husserl's Phenomenology]. Khanty-Mansiysk: RITS YUGU (in Russian).

Savin A.E. (2015) Smysloobrazovaniye v svete fenomenologicheskoy filosofii [Meaning formation in the light of phenomenological philosophy]. *Vox. Filosofskiy zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 18: 1–21 (in Russian).

Scheff T. (2001) Goffman on surface and interior [<http://scheff.faculty.soc.ucsb.edu/main.php?id=19.html> online] (accessed: 18.03.2021).

Schutz A. (2003a) Osnovnoy argument «Idey II» Gusserlya (The main argument of “Ideas II” by Husserl). In: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* (The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology). Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye»: 10–34 (in Russian).

Schutz A. (2003b) Problema transtsendental'noy intersub'yektivnosti u Gusserlya (The problem of transcendental intersubjectivity in Husserl). In: Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* (The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology). Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye»: 46–84 (in Russian).

Schutz A. (2004). Obydennaya i nauchnaya interpretatsiya chelovecheskogo deystviya [Ordinary and scientific interpretation of human action]. In: A. Schutz. *Izbrannoye: Mir*,

svetyashchiysya smyslom (Selected: A world glowing with meaning). Moscow: ROSSPEN: 7–50 (in Russian).

Schutz A. (2004). Znachenije E. Gusserlya dlya sotsial'nykh nauk [The importance of E. Husserl for the social sciences]. In: A. Schutz. *Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected: A world glowing with meaning]. Moscow: ROSSPEN: 151–160 (in Russian).

Scriven M. (1972) Objectivity and subjectivity in educational research. L. G. Thomas L.G. (ed.) *Philosophical redirection of educational research*. Chicago: Chicago University Press: 95–142.

Shachin S.V. (2012) Kommunikativnaya teoriya razuma Yurgena Khabermasa i yeye primeneniye k nekotorym psikhologicheskim temam [The communicative theory of mind by Jurgen Habermas and its application to some psychological topics]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 1: 34–46 (in Russian).

Shmerlina I.A. (2021) «Intersub'yektivnost'»: stanovleniye sotsial'no-fenomenologicheskogo ponyatiya ("Intersubjectivity": the formation of a social-phenomenological concept). *Sotsiologicheskij Zhurnal* (Sociological Journal), 27(3): 35–59 (in Russian).

Sinha C. (2009) Objects in a storied world: materiality, normativity, narrativity. *Journal of Consciousness Studies*, 16(6–8): 167–190.

Smirnova N.M. (2014) Kontsept intersub'yektivnosti v strukturakh mezhdistsiplinarnogo sinteza (The concept of intersubjectivity in the structures of interdisciplinary synthesis). *Filosofiya nauki. Vyp. 19. Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh* [Philosophy of Science. Issue 19. Epistemology in interdisciplinary research]. Moscow: IF RAN: 145–163 (in Russian).

Smirnova N.M. (2018) Kak vozmozhna mezhdistsiplinarnaya model' intersub'yektivnosti? (How is an interdisciplinary model of intersubjectivity possible?) In: Kasavin I.T., Voronina N.N. (eds.). *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. N. Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo Publ.: 247–261 (in Russian).

Smirnova N.M., Shtykov D.R. (2020) Ontologicheskij status sotsiokul'turnykh ob'yektov kak predmet fenomenologicheskoy kritiki (A. Shyuts, R. Ingarden) (Ontological status of sociocultural objects as a subject of phenomenological criticism (A. Schütz, R. Ingarden)). *Filosofskiy zhurnal* (Philosophical Journal), 13 (4): 89–101 (in Russian).

Stahl G. (2016) From intersubjectivity to group cognition. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 25(4–5): 355–384.

Stepanov Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij Proyekt (in Russian).

Stevanovic M., Koski S.E. (2018) Intersubjectivity and the domains of social interaction: proposal of a cross-sectional approach. *Psychology of Language and Communication*, 22(1): 39–70.

Tengeli L. (2012) Interv'y u s professorom Laslo Tengeli. Chast' I (Interview with Professor Laszlo Tengeli. Part I). *Horizon. Fenomenologicheskkiye issledovaniya* (Horizon. Phenomenological Research), 1 (2): 232–247 (in Russian).

Trevarthen C. (1979) Communication and cooperation in early infancy: a description of primary intersubjectivity. Bullowa M. (ed.) *Before speech: the beginning of interpersonal communication*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press: 321–340.

Vakhshtayn V. (2014) Kur'yezy i paradoksy fenomenologicheskoy interventsii [Curiosities and paradoxes of phenomenological intervention]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 1: 5–9 (in Russian).

Violi P. (2009) How our bodies become us: Embodiment, semiosis and intersubjectivity. *Journal of Cognitive Semiotics*, 4(1): 57–75.

Yakoboni M. (2011) *Otrazhayas' v lyudyakh: Pochemu my ponimayem drug druga* (Mirroring people: the new science of how we connect with others). Moscow: Yunayted Press (in Russian).

Zahavi D. (2001) Beyond empathy. Phenomenological approaches to intersubjectivity. *Journal of Consciousness Studies*, 8(5–7): 151–167.

Zahavi D. (2005) *Subjectivity and selfhood: Investigating the first person perspective*. Cambridge: MIT.

Zlatev J. et al. (2008) Intersubjectivity: what makes us human? In: Zlatev J. et al. (eds.) *The shared mind: perspectives on intersubjectivity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 1–14.